

«Дэниел делает туфли, а я пишу сценарии»

КОММЕРСАНТ. - 2005. - 19 ФЕВРАЛЯ. - С. 8

ФЕСТИВАЛЬ КИНО

Сегодня вечером закроется 55-й Берлинский кинофестиваль и станут известны его призы. Приз ФИПРЕССИ — международной критики уже присужден фильму тайваньского режиссера Цая Минь-ляна «Облако на краю неба», а приз Camera Berliale — актеру ДЭНИЕЛУ ДЭЙ-ЛЬЮИСУ. С ним, а также с его женой и режиссером фильма «Баллада о Джеке и Роуз», в котором он снялся, РЕБЕККОЙ МИЛЛЕР в Берлине пообщался АНДРЕЙ ПЛАХОВ.

Европейская премьера «Баллады о Джеке и Роуз» стала одним из главных событий фестиваля. Ее режиссер — Ребекка Миллер, дочь недавно скончавшегося американского драматурга Артура Миллера, в главной роли — ее муж, знаменитый актер Дэниел Дэй-Льюис. Госпожа Миллер родилась вскоре после развода Артура Миллера с Мэрилин Монро и его новой женитьбы. Семейный характер этого кинопроекта подчеркивается тем, что фильм посвящен трудным взаимоотношениям отца, постаревшего хиппи, и юной дочери — отношениям, которые разворачиваются в бывшей хиппистской коммуне, балансируют на грани инцеста и приводят к трагической развязке.

Ребекка Миллер: доверие превысило риск

— Как давно возник замысел вашего фильма и насколько сильны в нем личные мотивы?

— Это началось больше десяти лет назад, году в 93-м. С тех пор я много раз переписывала сценарий. Обычно боишься приступать к тому, что особенно дорого. Бывает, когда наваждение длится слишком долго, то все внутри перегорает. В общем могу сказать, что для появления этого фильма должны были сложиться вместе сразу несколько причин, в том числе и сугубо личных. В детстве я тоже была в какой-то степени изолирована от общества, жила в деревне, так что опыт Роуз мне близок. Это особая картина, и я не могла бы отдать такой сценарий никакому другому режиссеру.

— Вы ведь начинали как актриса. Что для вас означал этот опыт?

— Наверное, я была неплохой актрисой, но все-таки недостаточно хорошей по моим понятиям. Возможно, для маленьких ролей я и сейчас сойду, но если роль требует настоящих эмоций, сложной истории — я предпочту взять другую актрису.

— Почему все же так долго откладывалась реализация этого проекта?

— Многие продюсеры считали его рискованным: отношения отца и дочери, как они показаны в фильме, воспринимались как табу, во всяком случае еще несколько лет назад. Потом все-таки что-то изменилось в атмосфере, я почувствовала к себе доверие. А когда доверие превышает риск, тогда можно говорить о реализации проекта.

— Действие фильма происходит в 80-е годы и полно ностальгии по 60-м и 70-м.

— Это именно то, что я сама чувствую. Конечно, я не могла пройти через опыт идеальной, романтической свободы, но как бы хотела. Боюсь, правда, что в ближайшее время мне это не грозит. Ностальгия по прошлому существует везде, во всех культурах — это тоска по утраченному раю.

— В фильме есть осязательный мифологический пласт.

— Ассоциации с греческими мифами преследовали меня с самого начала. Да и змея, которая выползает из клетки в тот момент, когда героиню лишают девственности, — это что-то из Библии, не так ли? Изгнание из рая, расставание с утопией. Мне хотелось работать на мифологическом уровне, но при этом не быть тяжеловесной, не грузить зрителя.

— Ваш герой — классический хиппи, со всеми клише, связанными с этим понятием. Вы с самого начала видели в этой роли Дэниела Дэй-Льюиса?

— Когда писала сценарий, еще нет. Но уже в 95-м я послала его Дэниелу, это и стало началом нашего знакомства, сначала заочного.

— Трудно ли быть режиссером собственного мужа?

— Во всем есть свои плюсы и минусы. Из плюсов — то, что на съемочной площадке не приходилось

много говорить. Когда чересчур подробно обсуждаешь с актером роль, теряется непосредственность. Что касается Дэниела, я знала, что он ни за что не сделает то, что ему самому не нравится, и полностью полагалась на него. Вообще он человек простой — вопреки тому, что о нем говорят.

— Говорят, что он чудаковат и затворник?

— Вот уже неправда. Да, он не ходит на бесчисленные голливудские вечеринки, но, по-моему, он уже всем надоел. Дэниел не эксгибиционист, но и не затворник. Он предпочитает работать руками — делать туфли. А я в это время пишу сценарии.

Дэниел Дэй-Льюис: я оккупирую темную зону в сознании людей

— Про вас говорят, что вы человек в высшей степени скрытный.

— Есть реальность фестивалей, заполненная камерами. Мне приходится бывать в этих местах. Но на самом деле я живу в другой реальности. Знаю, обо мне еще не то говорят, но все эти слухи и сплетни объясняются одним: люди выбрали меня для того, чтобы заполнить некую темную зону в своем сознании. Что ж, если это делает их счастливее...

— «Баллада о Джеке и Роуз» посвящена отношениям родителей и детей. Вам знакома эта проблема?

— Еще бы: у меня три сына. Правда, нет дочери у меня, видимо, лицензия на мальчиков. Каждый родитель испытывает агонию своих добрых намерений. Помню свое детство, своих родителей, типичных представителей миддл-класса, которые поместили меня в привилегированную школу. Это был шок, и я уже тогда понял, как важно сохранить себя, свою природу, защитить свою частную сферу от общества. Как важно избежать опытов, которые разрушают. В детстве, в юности принимаешь любую ситуацию, но сам не знаешь, сколько придется заплатить за это. Постепенно взрослеешь и отчуждаешься от этих болезненных опытов юности, становишься наблюдателем, даже аутсайдером в какой-то своей части — даже если внешне интегрирован в общество.

— А что такое для вас, слышущего перфекционистом, работа в кино?

— Кинороли — это игра, иллюзия, это не мы сами, а наши тени. Но это еще и работа, которую я выполняю не из чувства долга, а потому и тогда, когда мне нравится это делать. Есть актеры, которые хладнокровно переходят с площадки на площадку, но я, слава богу, еще чувствую аппетит к работе.

— Вы испытываете ностальгию по 60-м? И случайно ли даже сейчас одеты по этой моде — с бородой, в черном, в эксцентричной кепке?

— Я с детства думал о движении хиппи, жалел, что не могу влиться в коммуну: мне было-то лет семь. В двенадцать я начал курить. Музыка того времени — Джимми Хендрикс и, конечно, Боб Дилан. Это было как острый нож. Уже тогда я интуитивно чувствовал значимость этой эпохи. А потом появились панки, и я понял, что все кончилось. Я учился в колледже в Бристоле. Вы не представляете, что такое было увидеть первых панков! Искал как ужасом, выкатив шары, на них смотрели ветераны второй мировой. Вскоре панк-одежду можно было уже купить в магазине, и этот опыт, как многое другое, стал брендом.

— А все же идея хиппи — жила ли она в новом веке? Например, среди антиглобалистов?

— Не знаю где, но стремление к свободе все еще не умерло.

321